

**РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**
**SECTION II. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL**

**К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕМЕЦКИХ
ПОЛИТЭМИГРАНТОВ В СССР**

DOI: 10.25629/НС.2020.05.04

Ахрамович Н.В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. С установлением нацистской диктатуры в Германии в 1933 году в Советском Союзе нашли убежище лидеры Коммунистической партии Германии (КПГ), а также немецкие писатели-антифашисты. Наблюдения за происходящим в мире и новые социокультурные условия Советского государства оказывали влияние на соотношение политической и национальной составляющих идентичности политэмигрантов, что в свою очередь отражалось на их проектах о будущем Германии. На основе ранее неопубликованных документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а также текстов официальных документов, газетных и журнальных статей автор анализирует изменение соотношения составляющих идентичности немецких политэмигрантов. Хронологические рамки статьи охватывают четыре предвоенных года – с 1935 по 1939 гг. Наряду с использованием историко-генетического и историко-сравнительного методов, в статье предпринята попытка оспорить устоявшийся подход к автобиографическим документам при помощи теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса. Для анализа идеи и лозунгов политэмигрантов автор обращается к наработкам Кембриджской школы интеллектуальной истории. Автор приходит к выводу об уравновешенности национальной и политической составляющих идентичности политэмигрантов в рассматриваемый период. Несмотря на воздействие советской системы, а также принадлежность политэмигрантов к коммунистической идеологии, лозунги-клише имели национальную этимологию и находились в созвучии с идеями европейцев и соотечественников в других странах мира. Взаимодействие немецких политиков и писателей в эмиграции позволяло им поддерживать национальную составляющую идентичности – то, о чем не могли говорить функционеры, выражали деятели искусства. В этой связи перед эмигрантами не стояла сложность отделения нацистского от германского. В статье показано значительное влияние революции и Гражданской войны в Испании (1936-1939) на идеи и политическую составляющую идентичности политических эмигрантов. Библиогр. 18 назв.

Ключевые слова: политэмиграция, СССР, антифашизм, идентичность, демократия, Коммунистическая партия Германии, левая интеллигенция.

Введение

В начале XX века СССР, представлявший себя «отечеством пролетариев всего мира», стал убежищем для гонимых нацистским режимом немецких политэмигрантов, большинство из которых были приверженцами коммунистической идеологии. Согласно имеющимся сведениям, на октябрь 1936 г. членство в Коммунистической партии Германии (далее – КПГ) сохраняло 2500 человек, в то время как на начало 1937 г. было около 4000 немецких эмигрантов в целом [1, с. 314]. Жизнь в новой социокультурной среде способствовала изменениям в представлениях политэмигрантов о своей нации, государстве и будущем Германии.

Понятие идентичности многозначно, что порой его определения в социогуманитарных науках даже противоречат друг другу. Выводы исследований последних лет гласят, что «идентичностей как сущностей не существует. <...> Но есть сложные и противоречивые процессы идентификации людей...» [2]. Однако общераспространенное определение идентичности как таковой и её составляющих остаются актуальными, и именно их мы будем придерживаться в настоящей статье.

Идентичность человека многосоставна, так как он является членом нескольких социальных сообществ, а также принадлежит к определённому этносу, нации, цивилизации, государству. В случае немецких политических эмигрантов необходимо уделить особое внимание соотношению национальной и политической составляющих. Это обусловлено тем, что политэмигранты являлись членами КПГ и работниками Коминтерна, но при этом оставались немцами, постоянно размышляя о будущем Германии и обращаясь к прошлым страницам истории родины.

Национальная идентичность маркирует принадлежность человека к нации как воображаемому политическому сообществу. Исследователи единогласно отмечают решающую роль исторического нарратива в её формировании [2], [3, с. 82]. Немаловажными также являются территория, культурные нормы, политико-правовая общность, общие политические институты.

В свою очередь политическая идентичность связана с комплексом идейно-политических ориентаций и предпочтений, которыми субъекты политического процесса наделяют себя и друг друга в процессе коммуникации. Она предполагает отождествление её носителя с тем или иным политическим сообществом. Политическая идентичность конструируется на коллективном уровне и задаёт ориентиры индивидуального и группового поведения.

Понятия национальной и политической идентичности синонимичны: любая коллективная идентичность, будучи социальной по природе, может быть наделена политическим качеством [3, с. 71, 72, 82].

1930-е гг. были временем неопределенности, когда мир балансировал на грани катастрофы. Для немецких политэмигрантов, противников нацизма, оно поставило задачу не только продолжения антифашистской борьбы, но и планирования лучшего будущего для Германии.

Цель настоящей статьи состоит в исследовании того, каким образом изменялось соотношение составляющих идентичности немецких политических эмигрантов в 1930-х гг. под влиянием внешнеполитических событий, а также внутренней политики СССР и как это отражалось на видении ими будущего Германии.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что она является важной частью дискуссии о преодолении коммунистического прошлого и тесно связана с обширной темой формирования диктатуры СЕПГ, осмыслению которой в современной историографии придается большое звучание.

Краткий анализ литературы

Историография взглядов коммунистов-политэмигрантов на будущее своей страны довольно обширна [4]. Исследователи отмечали исключительную зависимость коммунистов от указаний Коминтерна, что не давало им правильно оценить настоящее и как следствие представить будущее с учетом специфики своей страны [5]. Следует отметить отсутствие работ о связи идентичности коммунистов с их представлениями о будущей Германии. Современные методологические приёмы, предлагаемые в рамках социокультурного поворота, позволяют по-новому взглянуть на эту проблему.

Методология

В своей фундаментальной работе, посвященной народному фронту, немецкий историк Урсула Лангкау-Алекс, анализируя дискурс политэмигрантов о судьбах Германии, оставила открытым вопрос о моделях мышления коммунистов [6, с.129]. При помощи методов исследования политических понятий Кембриджской школы интеллектуальной истории, автор настоящей ста-

тьи попытается дать ответ на данный вопрос. Анализ языка политэмигрантов через призму данного подхода позволяет понять, какие политические идеи и идиомы определяли их аргументы и как они соотносились с политическим и интеллектуальным контекстом эпохи [7, с. 164].

Теория коммуникативного действия немецкого философа Юргена Хабермаса дает возможность изучить идентичность политэмигрантов, обращаясь к их автобиографическим нарративам. Коммуникативное действие направлено на достижение консенсуса в рамках установленных норм и правил, как минимум, между двумя субъектами [8, с.199]. Обязательным элементом является речевой акт, в котором, говоря от первого лица, человек вступает в отношения признания и утверждает свое «Я» [8, с.203, 325-326]. Немецкие политэмигранты и советское руководство были сторонами действия, в то время как автобиография – его проявлением, включавшим речь и, согласно нормам коммуникации, заданным в рамках сталинской системы. Оправдания политических ошибок, часто приводимые в автобиографиях, не были проявлением стратегического действия, предполагающего достижение определенной цели через принуждение или силовое воздействие одной стороны на другую. Поскольку у политэмигрантов, даже руководителей КПП, по сравнению с советским руководством, не было подобных полномочий.

Эти методы дают возможность иначе подойти к анализу давно известных источников, использующихся при исследовании рассматриваемого периода жизни немецких политэмигрантов – автобиографий из их личных дел, хранящихся в бывшем архиве Коминтерна (ныне РГАСПИ) и Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ); документов партийных конференций, мемуаров, газетных и журнальных статей.

Поток эмигрантов в СССР резко вырос после прихода к власти Гитлера уже в 1933 г. Они обращались за помощью в представительство КПП при ИККИ [9, с. 58]. По приезду в Советский Союз писалось заявление с просьбой предоставления убежища. Наряду с этим человек заполнял анкету, листок по учёту кадров, писал автобиографию. Собранные личные данные коммуниста попадали в распоряжение Отдела кадров Коминтерна, который после их изучения мог дать рекомендацию человеку и определить его дальнейшую работу в СССР [10, с. 70].

По мнению большинства исследователей, эти процедуры знаменовали собой начало формирования новой идентичности политэмигрантов. Так, указывая на однотипность и шаблонность автобиографий, австрийский исследователь Бертольд Унфрид считает главной функцией этого документа «создание советского индивида в результате очищения от остатков старой, “индивидуалистической” личности» [10, с. 105].

Постоянное написание автобиографий воздействовало на идентичность политэмигрантов, способствуя их более глубокому вовлечению в жизнь СССР, но у человека всё равно сохранялось свое выработанное годами самовосприятие и свобода его изменения. Автобиография каждого политэмигранта была своеобразна и неповторима, или, говоря словами Г. Люббе: «О человеке говорит нам его история. Как раз эта обыденная практика представления себя с помощью автобиографии позволяет особенно четко понять смысл характеристики историй как процессов индивидуализации» [11].

Родственная мемуарам по происхождению автобиография теснее связана с личным и психическим миром человека [12, с. 10]. Она не объективна, так как она есть самооправдание, апология собственного «Я» [13, с. 11]. Из-за того, что в автобиографии политических деятелей описывается игра политико-социальных сил и роль автора в ней, она больше похожа на мемуары, так как в них человек, как правило, примеряет на себя определенную социальную роль, становясь частью большого целого [12, с. 11].

Автобиографию следует рассматривать не только как средство формирования идентичности человека, но и как часть коммуникативного процесса, происходившего в партийной среде. Автобиографический нарратив подвергался тщательной проверке и чтению не только сотрудниками отдела кадров, но и однопартийцами. После этого на автора составлялась справка, в которой цитировались определенные строки из документа. Сам факт цитирования был свидетельством консенсуса руководства Отдела кадров ИККИ, уверенного в достоверности изло-

женного, с одной стороны, и политэмигрантов, реконструировавших таким образом свою прошлую жизнь, с другой. Отдельно подчеркнем, что, излагая тот или иной эпизод своей партийной деятельности, автор мог умолчать о мотивах, которые были для него ведущими в тот момент жизни. Таким образом сохранялся привилегированный доступ коммуниста к своему внутреннему миру и не происходило уничтожения старой личности человека.

1935 г. был переломным годом для Коминтерна. Согласно решениям VII Всемирного Конгресса (25 июля – 20 августа 1935 г.), коммунисты должны были, учитывая национальные условия своих стран, организовать народный фронт всех слоев населения для отпора нацизму. Новый курс предусматривал, что национальные формы борьбы рабочего класса будут сочетаться с идеологической установкой о мировом единстве рабочих [14, с.149]. Борьба против нацизма должна была закончиться социалистической революцией. Состоявшаяся осенью того же года «Брюссельская» конференция КПГ постановила, что будущая Германия должна будет стать демократическим государством [15, с. 33]. Понятие «демократии» было одним из характерных для политического дискурса межвоенных лет. Однако негативный опыт послевоенных лет обусловил его дискредитацию в Германии и совершенно далекое от правильного содержание, вкладывавшееся в него всеми политическими силами [16]. В этой связи для коммунистов «демократическое» государство было синонимом социалистического.

Установка на создание демократической республики оставалась ведущей в размышлениях политэмигрантов вплоть до начала Второй мировой войны, но пути её реализации конструировались ими по-разному. Воздействие внутри- и внешнеполитических факторов, а также различная сфера деятельности и личные качества коммунистов обуславливали разное соотношение составляющих их идентичности. Поэтому в настоящей статье автор проведет анализ на двух уровнях – в среде партийных функционеров и немецких писателей.

Творческая интеллигенция наряду с социал-демократическими и коммунистическими кругами была одной из значимых сил в антифашистской эмиграции Европы. Писатели, вскрывая суть фашистских режимов, помогали показать, какой участие в борьбе за сохранение мира мог бы принять немецкий народ [17, с. 207-208]. Наряду с этим у писателей была большая свобода в выражении своих взглядов на происходящее, так как они не были скованы партийной дисциплиной. В отличие от политически организованных антифашистов, деятели литературы могли быть частью международного движения, вдохновленного националистическими и антидемократическими идеями. В этой связи встает вопрос о сочетании национального и политического у писателей-эмигрантов – выбрали ли они СССР вместо родины, как это делали, по замечанию Э. Хобсбаума [18, с. 164, 159], многие антифашисты?

Восприятие политэмигрантами установок VII конгресса Коминтерна и «Брюссельской» конференции

Согласно решениям VII Всемирного конгресса Коминтерна, необходимым условием при создании народного фронта была мобилизация народа на борьбу против войны. Чтобы завоевать массы, коммунистам рекомендовалось делать акцент в своих выступлениях на историческом опыте немецкого народа [14, с.152]. Поэтому на «Брюссельской» конференции отмечалось: «Мы выступаем за полное уничтожение Версальского диктата и за воссоединение разорванного этим диктатом немецкого народа в единой свободной Германии» [15, с.608]. Делая акцент на национальной обиде немцев, коммунисты подчеркивали свое единство с ними, чтобы привлечь на свою сторону большинство. Однако главной целью подобных призывов было не допустить мобилизацию населения на новую войну [19, с.1285-1286]. В этой связи единственным средством избежать кровопролития и сохранить национальное достоинство немецкого народа могла быть дружба и помощь СССР, а в перспективе – революция по его примеру. «Советский Союз был единственной страной, которая не признала Версальский договор, укреплял Германию через договоры в Раппало и Берлине...» [19, с.1287], – отмечал Вальтер Ульбрихт, член в кандидаты ИККИ на август 1935 года. Поэтому чтобы предотвратить войну и свергнуть Гитлера немецкому народу предлагалось бороться за свои демократические права и свободы [20, с.107], [21, д.131,

л.93 об.]. Выдвигая данный лозунг, коммунисты находились в единстве с другими политическими силами своей эпохи, для которых понятие «демократического» связывалось на тот момент именно с правами и свободами граждан [16, с.13].

В свою очередь писатели изображали происходящее как конец старого буржуазного мира, что было сходно по звучанию с аргументами партийных деятелей. «Воздух буржуазного мира отравлен запахом гниения и крови ... надвигается гибель этого мира... Человечество поистине на грани варварства, варварства только чуть прикрытого тонким слоем внешней, преимущественно технической, цивилизации», – отмечал Вилли Бредель [21, д.217, л.50]. Подобные идиомы также можно встретить в произведениях других писателей, оценивавших события перед Первой мировой войной. Так, главу о приходе нацистов к власти и предвоенных событиях А. Цвейг озаглавил «Агония мира» [22, с.342]. В свою очередь в 1903 году Ромен Роллан, предчувствуя надвигающуюся войну, описывал свою эпоху: «Мир погибает, задушенный своим трусливым и подлым эгоизмом. Мир задыхается» [23, с.48]. Таким образом, писатели, как и политики-коммунисты, были солидарны не только со своими антифашистски настроенными соотечественниками, но и с деятелями культуры других стран.

Однако если для деятелей КПП политические факты могли быть вескими аргументами в пропаганде против нацизма, то писатели опирались на культурное наследие Германии, таким образом воздействуя на некоммунистов. «Немецкий рабочий протестует против притеснения своих человеческих прав, цитируя Гёте в противовес фашистским высказываниям», – указывал В. Бредель [24, с. 62]. Единство с европейскими писателями в теме гуманизма особенно проявилось и на конгрессе 1935 г. в Париже, ставившего целью объединение немецких писателей-эмигрантов разных политических взглядов для борьбы против фашизма [25, с. 10]. «Наш конгресс проходит под знаком гуманизма. <...> Этот конгресс – конгресс против унижения человека» [21, д.132, л.30 об.], – указывал Йоханнес Бехер, глава немецкой секции Союза Советских писателей. В свою очередь будущую Германию они представляли, подобно членам КПП, «настоящей, свободной, культурной» [26, с. 5].

Наряду с пропагандой борьбы за демократические права, направленной на немецкое население, в автобиографиях политэмигрантов содержались упоминания о подобной деятельности в годы Первой мировой войны. Это показывало сохранение сильной связи с политическим прошлым Германии, и таким образом – национальной составляющей их идентичности.

Так, В. Ульбрихт отмечал в автобиографии, что старался поддерживать недовольство среди солдат из-за плохого питания и выступать за предоставление отпусков, делая особый акцент на возможности «легально сослаться на книгу Рорбаха («Обоснование захватнической политики»)» [27, д.3 (I), л. 350, 351]. Автор подчёркивал, что в этот период времени он еще не был знаком с идеями В. И. Ленина. Таким образом, в борьбе за демократические права и за прекращение войны политик, еще не знавший российского революционного наследия, исходил из национального политического опыта легальной борьбы.

Следует также помнить, что идентичность ряда немецких коммунистов значительно отличалась от той, что была у советских, уже в годы Веймарской республики. Для политической практики КПП были характерны и привычны парламентские методы отстаивания интересов рабочего класса [28, с. 13]. Так, 6 членов из 10 (в том числе и В. Ульбрихт) в составе эмигрантского руководства КПП в 1935-1945 гг. были членами ландтагов и рейхстага в 1928-1932 гг. [27].

Призыв бороться за демократические права имел национальную окраску и у членов компартий, влиявших на разрабатываемые КПП программы. Так, он содержался в речи итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти озвученной на «Брюссельской» конференции [29, с.17]. Его обоснование итальянским коммунистом было связано с оценками и прошлой деятельностью в Италии, что позволило историку Альдо Агости сделать вывод о национальной этимологии лозунга, а не марксистско-ленинской [30, р.148].

Таким образом, лозунг борьбы за демократические права и в легальных условиях соответствовал непосредственному опыту работы политэмигрантов в среде своих соотечественников.

Он был свидетельством сохранения их национального самосознания, подлинности антифашистского сопротивления и единства с европейской эмиграцией.

Политэмигранты в годы гражданской войны в Испании

Разразившаяся в 1936 г. Гражданская война в Испании стала компенсацией для политэмигрантов за проигранную борьбу против нацизма в Германии [31]. Для членов КПГ она была примером, как на практике можно осуществить социалистическую революцию и установить демократическую республику. Наряду с этим у непосредственно участвовавших в этой войне политэмигрантов проявились изменения в идентичности, приобретенные за межвоенные годы: они ощущали себя не только немцами, хранителями своей истории, но и проводили отождествления с советским и испанским народом.

Так, В. Ульбрихт предлагал ориентироваться на пример Испанской республики при создании нового государства в Германии: «Испания даёт нам большой урок, что борьба за демократическую республику только с помощью единого фронта рабочего класса и народного фронта приведет к победе над фашизмом. Испания учит, что утверждение демократической республики требует чистки государственного аппарата, организацию народного войска, устранение различий между богатыми и властными» [32, с. 77]. Автор не предлагал установить советский строй в Испании, что соответствовало указаниям главы Коминтерна Г. Димитрова [33, с. 110].

События в Испании также сравнивались с происходившим в 1918-1919 гг. в Германии. По мнению Герберта Венера, после анализа неудачной политики социал-демократов в годы Ноябрьской революции, «испанский пример показывает со всей ясностью, как нужно бороться за демократию» [34, с. 22]. Автор отмечал, что «с 1936 года испанский народ сплотился против фашистской интервенции, что было бы невозможно, если бы рабочий класс Испании не освободился от социал-демократизма» [34, с. 22]. Однако подобные аргументы были характерны не только для немецких коммунистов. Так, Курт Ландау, член Коммунистической партии Австрии, а также ПОУМ сравнивал Ноябрьскую революцию 1918-1919 гг. с Испанской. Автор, как и члены КПГ, выдвигал аргумент о вине социал-демократии в поражении революции в Германии [35]. Таким образом, резкая критика в отношении социал-демократии со стороны деятелей КПГ даже в 1938 г., когда делались попытки организации народного фронта, не была обусловлена указаниями Коминтерна, придерживавшегося, по мнению Б. Х. Байерляйна, как и ранее, политики борьбы против «социал-фашизма» [36, с. 134, 147]. Напротив, успешные революционные события на Иберийском полуострове заставляли коммунистов сравнивать свое прошлое с испанским, и как следствие, происходило отождествление с испанским народом.

В свою очередь писатели выдвигали общую идею демократии как противоположную реалиям в Германии. Литераторы передали тренд своей эпохи, названный Э. Хобсбаумом «международной идеологической гражданской войной» [18, с.159]. Так, речь Гитлера в Нюрнберге характеризовалась как «объявление непримиримой войны всем достижениям человечества с 1789 года» [24, с.60-61].

Наряду с подъемом национальных чувств война в Испании отразила изменение самосознания политэмигрантов. Повторявшееся годами в процессе работы в Коминтерне утверждение о том, что Советский Союз – вторая родина, дополненное личным опытом, стало привычным для мышления политэмигрантов [37, с.28]. Так, Франц Далем, руководитель Центральной политической комиссии интернациональных бригад в Испании в 1936-1938 гг., писал: «Мы переживаем каждый день сильнейшую поддержку Испании нашим Советским Союзом. Товарищи из интернациональных бригад ... поют песню ... как тогда на улицах *нашей родины* (*курсив мой – Н.А.*): «И каждый пропеллер жужжит: *Мы защищаем Советский Союз!*» [38, с. 196].

В свою очередь В. Ульбрихт сравнивал происходящее в Испании с событиями как русской, так и немецкой истории. Так, Гитлер, осуществлявший интервенцию в революционную Испанию, изображался реакционером, подобно русским царям, помогавшим подавлять европейские революции в XIX веке [20, с. 123].

Для писателей привязанность к СССР связывалась прежде всего с людьми и лично пережитыми событиями. Вспоминая своего друга, погибшего в Испании, Эрих Вайнерт писал: «За

твоей спиной, Лео, появляются из тени со всей своей ясностью покрытые лесами горы Эско-риала и серые крыши кастильских деревень. В то время как мы шли рядом друг с другом из-за гор внезапно появились высокие дома нового Охотного Ряда в Москве, *нашей любимой Москвы (курсив мой – Н. А.)*, и ты говоришь: «Теперь мне надо идти на шарикоподшипниковый завод; сегодня совещание на предприятии». Ты даешь мне руку и вновь смеешься своим гордым смехом: «Я с недавнего время стахановец!»» [39, с. 27].

Однако цели деятельности в этой войне для политэмигрантов были различны. Для членов КПГ участие носило политический характер. Так, Ф. Далем называл интербригадистов не «обычными солдатами, умеющими держать ружьё, но политическими солдатами» [38, с.193]. Писатели же рассуждали как немцы, отмечая и положительные стороны тех страниц истории своей страны, которые порицались партией. «Вильгельмовский милитаризм превратил его (антифашиста – Н.А.) в настоящего военного летчика. Сегодня же он сражается в республиканской армии Испании как военный летчик», – отмечал В. Бредель в статье об антифашисте Фрице Блинке [21, д.134, л.1]. Таким образом, восприятие происходящего политиками и писателями взаимодополняло друг друга. Писатели высказывали то, чего не могли партийные деятели – гордость за свою страну и её историю. Однако как у одних, так и у других политическая и национальная составляющие идентичности уравнивали друг друга.

От аннексии Австрии до начала Второй мировой войны

Аннексия Австрии и последующее развитие испанской гражданской войны приближали в общественности всего мира ощущение скорого начала войны. Однако вопреки настроениям эпохи, предполагавшим уничтожение фашизма при помощи войны [18, с.168], функционеры утверждали о необходимости революции и установления социалистической республики в Германии [40, с.558], подчеркивая свою привязанность к родине [20, с.201, 246]. Подобное противопоставление обуславливалось необходимостью скорейших решительных действий, так как нацистский режим к тому времени сильно окреп. Каким образом немецкая специфика будет представлена в новой республике не уточнялось. Однако ни Большой террор в СССР, ни неудачи сопротивления нацистскому режиму не искореняли значимости национальной составляющей идентичности функционеров. Так, в 1938 году В. Ульбрихт отмечал: «Народный фронт воплощает живое продолжение тех великих идеалов свободы, которые связаны с лучшими именами немецкой истории. <...> Мы, коммунисты, любим наш немецкий язык, на котором писали Гёте, Бюхнер, Гейне, Фрейлиграт...» [20, с.201].

На Бернской конференции КПГ (январь 1939 г.) представления о демократической республике приобрели более конкретное содержание. Будущее государство сравнивалось с Испанией, опыт работы в которой был получен функционерами. «Новая, демократическая республика должна будет представлять режим, в котором ведущим будет рабочий класс, а сама республика будет иметь глубокое социальное содержание (сравнение с испанской республикой)» [41, с.51], – отмечалось в материалах конференции. Таким образом, члены КПГ помимо ориентации на советский пример готовы были заимствовать опыт и у революционных движений Европы.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что национальная и политическая составляющие идентичности немецких политэмигрантов уравнивали друг друга. Опыт работы в Германии, историческая память играли важную роль в поддержании национальной составляющей. Ассимиляция в рамках советской системы способствовала приобретению политэмигрантами новой, советской составляющей своей идентичности, наряду с сохранением старых.

Сложность отделения германского от фашистского не стояла перед рассматриваемыми группами немецких политэмигрантов. Интернационализм, входивший в политическую составляющую их идентичности и присущий как членам КПГ, так и писателям, помогал оставаться едиными не только со своими антифашистски настроенными соотечественниками, но и с европейцами в целом. Однако рамки идеологии не позволяли функционерам часто и открыто говорить о своей истории и культуре, в отличие от писателей. Писатели помогали партийным

деятелям дополнять свою политическую составляющую национальной. Таким образом, антифашизм политэмигрантов, находившихся в СССР, не был заданным «сверху» неэффективным лозунгом, служившим лишь целям советской внешней политики, как утверждают некоторые современные исследователи [36].

Литература

1. Hass G. Das deutsche Exil in der Sowjetunion 1933-1945 // Handbuch zum Widerstand gegen Nationalsozialismus und Faschismus in Europa 1933/39 bis 1945. Berlin, N.Y., 2011. S.311-320.
2. Чеканцева З. А. Историческое измерение идентичности. Размышления о магическом призраке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 9 (63). URL: <http://history.jes.su/s207987840002011-1-1> (дата обращения: 21.12.2018).
3. Политическая идентичность и политика идентичности. Т.1. Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий. М., 2012. 204 с.
4. Laschitzka H. K. Kämpferische Demokratie gegen Faschismus. Berlin, 1969. 285 S.; Sywottek A. Deutsche Volksdemokratie. Düsseldorf, 1971. 297 S.; Nach Hitler kommen wir: Dokumente zur Programmatik der Moskauer KPD-Führung 1944-45 für Nachkriegszeit. Berlin, 1994. 426 S.; Stoenescu R. Das Scheitern des kommunistischen Widerstands. Die Auswirkungen der ideologischen Leitlinien der KPD 1933-1945. Marburg, 2013. 153 S.
5. Weber H. Die Ambivalenz der kommunistischen Widerstandsstrategie bis zur „Brüsseler“ Parteikonferenz // Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, Zürich, 1985. S.73-85; Sywottek A. Revolutionäre Perspektiven der kommunistischen Widerstands // Ibid. S.475-496; Schilmar B. Der Europadiskurs im deutschen Exil 1933-1945. München, 2004. 406 S.
6. Langkau-Alex U. Volksfront für Deutschland? Band I. Vorgeschichte des „Ausschusses zur Vorbereitung einer deutschen Volksfront“, 1933-1936. Frankfurt am Main, 1977. 363 S.
7. Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. 632 с.
8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. 381 с.
9. Ватлин А. Ю. «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936-1941 гг. М., 2012. 341 с.
10. Унфрид Б., Штудер Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и курсы в Советском Союзе 1930-х гг. М., 2011. 246 с.
11. Люббе Г. Историческая идентичность. URL: https://ruthenia.ru/logos/personalia/plotnikov/transitions/02_identitaet.htm#_ftn? (дата обращения: 11.07.2019).
12. Neumann B. Identität und Rollenzwang. Zur Theorie der Autobiographie. Frankfurt am Main, 1970. 200 p.
13. Савкина И.Л. Переписывая себя: репрезентации советского опыта в автобиографиях и интервью мигрантов из России в Финляндию // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. №2. С.3-28.
14. Агню Дж., Макдермотт К. Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. М., 2000. 223 с.
15. Mammach K. Die Brüsseler Konferenz der KPD (3.-15. Oktober 1935). Berlin, 1975. 621 p.
16. Bracher K. D. Demokratie und Ideologie im Zeitalter der Machtergreifungen // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 31. Jahrg., 1. H. (Jan., 1983). P.1-24.
17. Mammach K. Die KPD und die deutsche antifaschistische Widerstandsbewegung 1933-1939. Frankfurt am Main, 1974. 307 p.
18. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914-1991). М., 2004. 630 с.
19. Weber H. Deutschland, Russland, Komintern. II. Dokumente (1918-1943). Nach der Archivrevolution: Neuerschlossene Quellen zu der Geschichte der KPD und den deutsch-russischen Beziehungen. Teilband I. Berlin, Boston, München, 2015. 1840 S.

20. Ulbricht W. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Aus Reden und Aufsätzen. Bd. II: 1933-1946. Berlin, 1953. 622 p.
21. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф.631. Оп.12.
22. Цвейг А. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М., 2015. 592 с.
23. Роллан Р. Жизнь Микеланджело. М., 2007. 605 с.
24. Das Wort. 1937. Heft 7.
25. Schiller D. Der Traum von Hitlers Sturz: Studien zur deutschen Exilliteratur. Frankfurt am Main, 2010. 736 S.
26. Das Wort. 1937. H. 1.
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.495. Оп.205.
28. Hoppe B. Eiserne Revolutionäre und schwätzende Salonbolschewisten: Bolschewiki und deutsche Kommunisten in den 1920/ 30er Jahren // Workshop Berlin 1./ 2. Juni 2007. S.1-24.
29. Ercoli M. Die antifaschistische Einheitsfront und die nächsten Aufgaben der KPD. Rede auf der Brüsseler Konferenz der KPD (Oktober 1935). Moskau, 1936. 30 S.
30. Communism. National and International. Helsinki, 1998. 348 P.
31. McLellan J. 'I Wanted to be a Little Lenin': Ideology and the German International Brigade Volunteers // Journal of Contemporary History. Vol.41, No.2 (Apr., 2006). P. 287-304.
32. Pikarski M., Uebel G. Der antifaschistische Widerstandskampf der KPD im Spiegel des Flugblattes 1933-1945. Berlin, 1978. 63 S.
33. Коминтерн и Гражданская война в Испании. М., 2001. 528 с.
34. Wehner H. Wandel und Bewährung. Ausgewählte Reden und Schriften 1930-1975. Frankfurt am Mein, Berlin, 1976. 491 S.
35. Landau K. The Spanish Revolution of 1936 and the German Revolution of 1918/1919 // The Spanish Civil War: The View from the Left. Vol. 4. N.1 & 2. URL: <https://www.marxists.org/back-iss/vol4/no1-2/landau.htm> (дата обращения: 21.09.2019).
36. Bayerlein B. H. Abschied von einem Mythos. Die UdSSR, die Komintern und der Antifaschismus 1930-1941 // Osteuropa. 59. Jg., 7-8. 2009. S.125-148.
37. Holzer J. Das einzige Vaterland des Proletariats – die Sowjetunion: Ob gut oder schlecht, sie ist mein Land! // Jahrbuch für historische Kommunismusforschung. 2008. S.24-31.
38. Dahlem F. Ausgewählte Reden und Aufsätze 1919-1979. Zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, 1980. 489 S.
39. Das Wort. Literarische Monatschrift. Februar 1939. H.2.
40. Pieck W. Gesammelte Reden und Schriften. Bd. V. Berlin, 1972. 661 S.
41. Mammach K. Die Berner Konferenz der KPD (30. Januar – 1. Februar 1939). Berlin, 1974. 152 p.

Ахрамович Наталья Вадимовна. E-mail: Impeccable434@yandex.ru

Дата поступления: 15.02.2020

Дата принятия к публикации 15.04.2020

**TO THE QUESTION OF TRANSFORMATION OF THE IDENTITY OF GERMAN
POLITEMIGRANTS IN THE USSR**

DOI: 10.25629/HC.2020.05.04

Akhramovich N.V.

Lomonosov Moscow State University (Moscow State University)
Moscow, Russia

Abstract. With the establishment of the Nazi dictatorship in Germany in 1933, leaders of the Communist Party of Germany, as well as German anti-fascist writers, took refuge in the Soviet Union. Observations of what is happening in the world and the new sociocultural conditions of the Soviet state influenced the correlation of the political and national components of the identity of political emigrants, which in turn was reflected in their projects about the future of Germany. Based on previously unpublished documents of the Russian State Archive of Socio-Political History, the Russian State Archive of Literature and Art, as well as texts of official documents, newspaper and magazine articles, the author analyzes the change in the ratio of the identities of German political emigrants. The chronological framework of the article covers four pre-war years – from 1935 to 1939. Along with the use of historical-genetic and historical-comparative methods, the article attempts to challenge the established approach to autobiographical documents using the theory of communicative action by Jürgen Habermas. To analyze the ideas and slogans of political emigrants, the author turns to the developments of the Cambridge School of Intellectual History. The author concludes that the national and political components of the identity of political emigrants are balanced in the period under review. Despite the influence of the Soviet system, as well as political emigrants belonging to the communist ideology, cliché slogans had a national etymology and were in tune with the ideas of Europeans and compatriots in other countries of the world. The interaction of German politicians and writers in emigration allowed them to maintain the national component of identity – something that functionaries could not talk about, art workers expressed. In this regard, the emigrants did not face the difficulty of separating the Nazi from the German. The article shows the significant influence of the revolution and the Civil War in Spain (1936-1939) on the ideas and the political component of the identity of political emigrants. Bibliogr. 18 titles.

Keywords: political emigration, USSR, antifascism, identity, democracy, German Communist Party, leftist intelligentsia.

Akhramovich Natalia Vadimovna. E-mail: Impeccable434@yandex.ru

Date of receipt 15.02.2020

Date of acceptance 15.04.2020